

УДК 94 (47) «17/1917»

И.М. Старцев

Общественно-политическая программа П.И. Пестеля и взгляды российских консервативных публицистов первой половины XIX века

В статье проводится сравнительное исследование взглядов П.И. Пестеля и русских консервативных журналистов времен Николая I. Анализируются взгляды на государственное устройство, сословный и национальный вопросы. Сделан общий вывод о сходстве взглядов Пестеля и русских консервативных журналистов.

Ключевые слова: П.И. Пестель; Н.И. Греч; М.П. Погодин; консерватизм; журналистика.

Первая половина XIX века — время зарождения в России основных политических идеологий — консерватизма и либерализма. В эту эпоху еще сложно отличить одно от другого, поскольку окончательного размежевания лагерей еще не произошло [17: с. 18–73], и разница между либералами и консерваторами, скорее, определялась отношением к монархии и революционному способу смены власти, оставляя возможность для сходства взглядов по многим политическим и общественно-экономическим вопросам. В этом контексте особенно интересно рассмотреть взгляды представителей декабризма и сравнить их с точкой зрения общественных деятелей эпохи Николая I, которая, казалось бы, должна быть прямо противоположной. В статье мы сопоставим «Русскую правду» Пестеля с материалами, публиковавшимися в русских «толстых» журналах николаевского времени, таких как «Военный вестник» — официальный орган Военно-ученого комитета, «Сын отечества» — журнал, издаваемый Николаем Гречем «в духе официальной идеологии» [6: с. 152], «Москвитянин» — журнал Михаила Погодина, основой деятельности которого стала формула: «православие, самодержавие и народность» [6: с. 152]. Отметим, что в журналах нас будет интересовать, прежде всего, раздел зарубежных новостей. Причиной тому являются цензурные уставы 1826 и 1828 годов, которые позволяли издателю достаточно свободно рассуждать о событиях и процессах в Европе, но жестко ограничивали всякое высказывание о России.

Сравнение будет идти по трем основным направлениям: государственное устройство, сословный вопрос и национальный вопрос, которые соответствуют трем законченным главам «Русской правды».

В «Русской правде» П.И. Пестель выступает как апологет жесткой централизованной государственной власти. Власть эта могла быть как монархической (в ранних своих работах Пестель называл главу государства царем [4: с. 219–262, 264–266]), так и республиканской, но в любом случае она должна была быть жесткой, единой и не допускать разногласий. Как писал сам Павел Иванович, «каждый... должен уступить часть своего мнения и собственных мыслей, дабы составить только одно мнение», иначе «никакой не будет возможности избрать средства для достижения предназначенной цели» [4: с. 113]. Необходимость единомыслия порождает необходимость «разделения на Повелевающих и на Повинующихся», т. е. «на Правительство и Народ» [4: с. 114]. Правительство, по Пестелю, должно «распоряжаться общим действием для достижения Благоденствия». Благоденствие сводится к двум предметам — безопасности и благосостоянию. При этом безопасность граждан для правительства является более приоритетным делом, нежели благосостояние граждан, поскольку она «может быть достигнута посредством только сил правительства», в то время как благосостояние «могут доставить себе частные люди собственными трудами» [4: с. 117]. Функции правительства в данном случае заключаются, скорее, в том, чтобы не мешать экономике развиваться. Таким образом, в концепции П.И. Пестеля жесткая государственная власть должна обеспечивать стабильность и безопасность общества. Общество, в свою очередь, должно повиноваться правительству, при условии, что то ведет государство в правильном направлении. Концепция Пестеля, как видим, не допускала разномыслия в управлении государством, и режиму, построенному по «Русской правде», парламентские дискуссии, вероятно, были бы чужды. По этой же причине отвергалось и федеративное устройство, поскольку интересы разных областей будут мешать развитию государства.

В «Русской правде» можно найти и довольно четкое обоснование того, что радикальные революционные преобразования по типу Великой французской революции вредны [4: с. 118], ибо ведут к «бедствиям Самовластия и Беззакония». «Преобразование Государства» может производить «постепенными мероприятиями» только жесткая центральная власть. Пестель считал, что нынешняя российская монархия на роль реформатора не подходит, поскольку «довольно уже доказала враждебные свои чувства противу Народа Русского», но и парламентская система для проведения реформ в переходный период не годится: «представительный Собор не может быть созван, ибо начала Верховного Порядка в России еще не существуют» [4: с. 118]. Пестель, как известно, выступал за диктатуру реформаторов, опирающихся на «Русскую правду».

Изучив российскую прессу времен Николая I, мы увидим, что взгляд на государство как на жесткую структуру, обеспечивающую в первую очередь безопасность, был характерен и для консервативно-монархических публицистов, подобных Н.И. Гречу и М.П. Погодину. При этом допускалось, что такой структурой может быть не только «законная монархия». Примером тут может послужить то, что консервативная российская пресса писала о событиях во Франции в 1830–1853 годах.

Россия признала Луи-Филиппа королем Франции, но в целом симпатии были на стороне Бурбонов. Однако Луи-Филиппа больше критиковали не за его «незаконность» и даже не за буржуазный стиль жизни (хотя такие нападки тоже случались [14]), а за его внутреннюю политику. О новом короле Франции писали как о человеке слабом, отдавшем страну во власть хаоса. Политический режим воспринимался как безвластие, когда все подчинено парламенту, состоящему из продажных ораторов, неспособных договориться между собой, а король фактически не имеет власти [20: с. 358]. Такое положение, помноженное на общую «развратность» парижан, приводит страну к постоянному насилию и нестабильности. К беспорядкам во Франции, правда, было двоякое отношение: действия республиканцев и социалистов изображали как бунт черни, акции легитимистов героизировали, но в целом главной характеристикой, даваемой российской прессой Июльской монархии, была нестабильность. И показательно, что после прихода к власти Луи-Наполеона ситуация меняется.

Как ни странно, Луи-Наполеон Бонапарт, пришедший к власти после Февральской революции 1848 года и краткого периода правления «однозначно плохого» для русской прессы Временного правительства, заслужил уважение у авторов русских журналов. Новая власть наконец-то установила во Франции «порядок» — пусть и в формате диктатуры.

Так, уже в начале 1852 года, обзвывая первые шаги недавно вступившего в должность принца-президента, «Сын отечества» писал: «Нет оппозиции, нет препятствий... Правительство будет иметь совершенную свободу действий... это и было нужно для Франции... Подождем плодов этой системы, и пожелаем Франции достигнуть спокойствия, благосостояния и благоразумной свободы» [7: с. 32]. О Луи-Наполеоне говорили как о «хорошем республиканском лидере», наведшем порядок во Франции. «Сын отечества» радовался тому, что «сила и искусство Президента оттолкнули многих от либеральных идей» [8: с. 75], «французы охладели к (избирательным. — И. С.) правам, которыми ранее дорожили» [9: с. 51]. Репрессии принца-президента против оппозиционной прессы подавались как позитивная мера: «Франция обязана спокойствием (принятым мерам. — И. С.) строгости против журналов» [8: с. 87]. На утверждение бельгийской газеты *Independence Belge* о том, что «политика во Франции умерла», «Сын отечества» отвечал: «Франции необходим отдых, развитие общественного благосостояния под сенью законной власти» [11: с. 48]. Пример Наполеона показывает, что республиканский деятель, обеспечивший сильную централизованную власть, стабильность и спокойствие в государстве, единодушие в парламенте, вполне мог заслужить уважение российских журналистов.

Другое дело — ситуация, когда господствуют несколько политических партий, которые борются за власть, вместо того, чтобы развивать страну. В качестве такого отрицательного примера часто приводили британский парламент. Надо заметить, что в целом отношение к Великобритании до Крымской войны было вполне нейтральное, и здесь мы видим критику именно института,

а не страны. Так, в 1840 году официальный «Военный журнал» перепечатывает статью из британского консервативного журнала *Revue Britannique*. Политический процесс в Великобритании в ней был удостоен следующей характеристики: «одно сословие овладевает, правит и разделяет между собой должности; другое, столь же жадное, шумит, вопиет против злоупотреблений, выступает против действующей власти... а, заступив на ее место, поступает не лучше» [2: с. 117]. В итоге «умы в Англии заняты внутренними раздорами, выгоды государства совершенно утеряны из вида» [2: с. 97] — это описание напоминает ситуацию во Франции. В 1852 году «Сын отечества» критикует «слабость парламента и зависимость всех дел от влияний, которыми не всегда управлять можно» [9: с. 81–83]. Стички и беспорядки на выборах характеризовались как достойные скорее «дикарей-людоедов, нежели жителей просвещенного Альбиона» [9: с. 84].

Федеративное устройство подвергается критике в духе Пестеля. В упомянутой перепечатке статьи из *Revue Britannique*, помимо всего прочего, отмечалось, что США «могли бы распространить владычество от мыса Горн до острова Мельвилля», но им мешает отсутствие единства: война нужна прибрежным штатам, штаты же внутренние против конфликта с Англией [2: с. 99–100].

Таким образом, стабильность, безопасность и благосостояние были главными характеристиками государственного режима и для монархистов, и для декабриста Пестеля.

С вопросом о государственном строе тесно связан вопрос о социальной структуре общества. П.И. Пестель выступал за рационализацию и модернизацию современного ему порядка и за отмену сословий. Образцом ему явно служит практика времен Американской и Великой французской революций, но интересно то, как Пестель объясняет необходимость отмены сословного строя: «сословия никакой в Государстве Постепенности не образуют, ибо не чрез их посредство Дела восходят до Верховной Власти. Напротив того, они разные только отделения между Народом образуют, которые вечно друг на друга враждуют. Истинную Постепенность в Государстве образует Чиновначальство» [4: с. 151]. Мы видим, что Пестель рассматривает сословия как еще один инструмент управления обществом, выступая за переход от сословного строя к бюрократическому режиму, опирающемуся на чиновничество. Причем мотивируется это, как и многое у Пестеля, здравым смыслом: сословия разобщают, а не соединяют общество.

Отношение к сословному строю у исследуемых нами консервативных публицистов было неоднозначным. С одной стороны, было принято и оплакивать его деградацию в европейских странах — тут чаще всего упоминалась Франция. Погодин в своем «Годе в чужих краях» (заметках о путешествии в Европу 1839 года) замечал, что в Париже Луи-Филиппа исчез аристократический блеск, и в Пале-Рояль может попасть любой Иван Никифорович из Миргорода — были бы деньги [14]. Однако стремление аристократии сохранить

за собой политические права критиковалось. «Военный журнал» в 1836 году писал о ситуации в Папской области: «население разделено на два класса народа, один при высокомерии и расточительности своем притесняет другой; а этот нищенствует и грабит... дух аристократии и внутренние смуты препятствуют свободному ходу промышленности» [3: с. 143]. Еще одним примером может послужить рассказ о путешествии молодого императора Франца-Иосифа по недавно усмирённой Венгрии в 1852 году, помещённый в «Сыне отечества». В статье Н.И. Греч полностью одобряет роспуск венгерских дворянских представительных органов и ограничение прав магнатов после восстания, поскольку «в Австрии должно укрепиться монархическое начало», поскольку именно «Мадьярская часть дворянства» несмотря на то, что «разделяла власть с императором, имея от нее более чем львиную долю», стала одной из движущих сил восстания, и после него — глупо восстанавливать привилегии «совершенно отделившейся от народа горсти людей» [10: с. 67].

Отношение к аристократии, таким образом, определялось ее позицией по отношению к власти. Дворяне должны были быть верными слугами и послушными «винтиками» государственного механизма, но не властью. Такой взгляд на сословное самоуправление и представительные органы как на пережиток старины была типична для монархистов еще с XVIII столетия [5: с. 88–89]. Мысли о деструктивной силе дворянства высказывал Шатобриан, размышляя о причинах Французской революции [19]. Такое отношение к дворянству логично для строителей централизованного бюрократического авторитарного государства, поэтому постулат «сословные привилегии мешают унификации государства и ослабляют центральную власть» присутствует и у Пестеля, и у Греча.

Отношение П.И. Пестеля к национальному вопросу было схожим с его взглядами на сословия. Он признавал, что национальные меньшинства «желают всегда для себя Независимости и отдельного политического существования». Однако, как мы помним, целью Пестеля было построение крепкого и сильного государства, империи, способной обеспечить безопасность своим жителям. Малые народы, с его точки зрения, в случае независимости, не будут способны себя защитить. Более того, они станут полем боя между великими державами, что приведет к «разорениям и гибельным бедствиям всякого рода». Поэтому «лучше и полезнее будет для них самих, когда они соединятся духом и обществом с большим Государством и совершенно сольют свою Народность с народностью Господствующего Народа составляя с ним только один Народ, и переставая бесполезно мечтать о Деле Невозможном и Несбыточном». Как известно, Пестель считал, что только поляки достойны отделения от России, остальные народы должны были забыть «свою прежнюю бессильную Народность и вступить с удовольствием в новую Величайшую Народность» [4: с. 122]. При этом все законы, позволяющие нерусским народам развиваться самостоятельно (как в случае с украинцами) следовало ликвидировать.

В рассуждениях П.И. Пестеля о национальном вопросе прослеживаются и цивилизаторские, и колонизаторские нотки. Говоря о необходимости присоединения к России земель казахов [4: с. 142–143], он характеризует их как «прекрасные места, изобилующие многими произведениями природы» и годные «для самой выгоднейшей и Деятельнейшей Торговли», но отмечает, что «ныне сие все совершенно теряется от необузданности и невежества киргизов». Примерно так же в «Русской правде» описывается и Приморье, «бесполезное для Китая» (который в силу своей отсталости не может развивать эти территории. — *И. С.*), но способное дать выгоду для России. Азиатские народы описывались Пестелем как отсталые, их было необходимо цивилизовать и растворить в русской нации. Цивилизация должна быть привита через «Распространение и Усиления Веры в истинно христианском духе» (православии. — *И. С.*) и «введения земледелия» среди кочевых народов. Таким образом, основными пунктами для Пестеля были введение правильного способа хозяйствования и избавление от «предрассудков», к которым относился и ислам, и прочие традиционные верования, сторонников которых следует «склонять к восприятию святого Крещения» [4: с. 141].

Взгляды Пестеля на национальный вопрос явно перекликались с реальными действиями российского правительства в те времена. В «Русской правде» есть прямые ссылки на то, что национальная политика должна продолжать действия нынешних властей, только в более радикальном и последовательном ключе. Как попытки приведения к единому знаменателю местных законов и проведение политики русификации нерусских народов Западных губерний [1], так и «много опытов для введения хлебопашества» у народов Сибири или политика по усмирению Кавказа и переселению на равнины ряда горских племен [18: с. 12–20] — все это было к тому времени обычными практиками империи. Российская пресса вполне поддерживала европейский колониализм, считая его одним из способов распространения просвещения в мире. Коренные, «непросвещенные» народы, подобные американским индейцам, бирманцам или алжирцам, воспринимались как дикари той или иной степени варварства. Войны с ними описывались (как в случае с экспедицией Наполеона в Сирию) как противостояние «мудрости генералов и чудесной храбрости» европейских солдат «яростной упорности озлобленных и ожесточенных азиятцев» [16: с. 2]. Действия европейцев в колониях, например борьба французов в Алжире с исламом и англичан в Индии с индуизмом, всегда подавались в позитивном ключе.

Мы видим, что взгляды П.И. Пестеля и Н.И. Греча с М.П. Погодиным были во многом схожи. В обоих случаях идеалом было мощное централизованное государство, основанное на рациональных принципах управления. С той разницей, что образцом для Пестеля служила революционная диктатура во Франции и режим Наполеона I, а для Греча — абсолютная монархия Людовика XIV. По сути, единственный вопрос, по которому «Русская правда» не совпадает с точкой зрения российских консерваторов, — крепостное право. Все остальные

идеи «Русской правды» имеют параллели у консерваторов того времени. Более того, можно предположить, что даже по крепостному праву полного антагонизма здесь нет. Вопрос отмены крепостного права стоял в повестке дня Николая I [12: с. 201–222], другое дело, что поднимать его в прессе было запрещено.

И Пестель, и Греч, и Погодин хотели построения государства на принципах, соответствующих XIX столетию, — веку просвещения, веку прогресса. Отличие было только в том, что Пестель предполагал решить проблемы кардинальным переустройством России (и то, как мы помним, с некоторыми ограничениями), а для консерваторов важнее всего была стабильность и постепенные преобразования.

Литература

1. *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914): пер. с фр. М. Крисань. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 1008 с.

2. Взгляд на нынешнее состояние военных флотов Великобритании, Франции и Северо-Американских Соединенных Штатов (извлечено из *Revue Britannique* 1839 года) // *Военный журнал*. 1840. № 4. С. 95–122.

3. *Военная география. Владения Итальянские. Папская область* // *Военный журнал*. 1836. № 6. С. 143.

4. *Восстание декабристов. Документы. Т. VII. Русская Правда П.И. Пестеля и сочинения, ей предшествующие.* М.: Госполитиздат, 1958. 692 с.

5. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.

6. *Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацлло К.Ф., Эймонтова Р.Г.* Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 440 с.

7. *Иностранные известия // Сын отечества. История, политика, словесность, науки и художества.* 1852. № 3. С. 28–41.

8. *Иностранные известия // Сын отечества. История, политика, словесность, науки и художества.* 1852. № 4. С. 71–115.

9. *Иностранные известия // Сын отечества. История, политика, словесность, науки и художества.* 1852. № 7. С. 51–105.

10. *Иностранные известия // Сын отечества. История, политика, словесность, науки и художества.* 1852. № 8. С. 49–86.

11. *Иностранные известия // Сын отечества. История, политика, словесность, науки и художества.* 1852. № 9. 1852. С. 48–82.

12. *Николай I без ретуши / авт.-сост. Я. Гордин.* СПб.: Амфора, 2013. 543 с.

13. *Павлов-Сильванский Н.П.* Декабрист Пестель пред Верховным уголовным судом. Ростов-на-Дону: Донская Речь, 1907. 175 с.

14. *Погодин М.П.* Месяц в Париже (из дорожного дневника 1839) // *Москвитянин*. 1841. Ч. 1. № 1. С. 76–130.

15. *Погодин М.П.* Петр Великий // *Москвитянин*. 1841. Ч. 1. № 1. С. 3–14.

16. *Поход Бонапарте в Сирию* // *Военный журнал*. 1834. № 1. С. 1–49.

17. *Тесля А.А.* Первый русский национализм... и другие. М.: Европа, 2014. 284 с.
18. *Цуциев А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2007. 128 с.
19. Шатобриан Ф.Р. де О Бонапарте, о Бурбонах // Сын Отечества, исторический, политический и литературный журнал. Ч. 13. СПб.: Типография Ф. Дрехслера, 1814. С. 198–220.
20. *Шевырев С.П.* Визит к Бальзаку // Москвитянин. 1841. Ч. 2. С. 358.

Literatura

1. *Bovua D. Gordiev* uzel Rossijskoj imperii: vlast', shlyaxta i narod na Pravoberezhnoj Ukraine (1793–1914): per. s fr. M. Krisan'. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 1008 s.
2. Vzglyad na ny'neshnee sostoyanie voenny'x flotov Velikobritanii, Francii i Severo-Amerikanskix Soedinenny'x Shtatov (izvlecheno iz Revue Britannique 1839 goda) // Voenny'j zhurnal. 1840. № 4. S. 95–122.
3. Voennaya geografiya. Vladeniya Ital'yanskije. Papskaya oblast' // Voenny'j zhurnal. 1836. № 6. S. 143.
4. Vosstanie dekabristov. Dokumenty'. Tom VII. Russkaya Pravda P.I. Pestelya i sochineniya, ej predshestvuyushhie. M.: Gospolitizdat, 1958. 692 s.
5. *Vul'f L.* Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta civilizacii v soznanii e'poxi Prosveshheniya / per. s angl. I. Fedyukina. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 560 s.
6. *Grosul V.Ya., Itenberg G.S., Tvardovskaya V.A., Shacillo K.F., E'jmontova R.G.* Russkij konservatizm XIX stoletiya. Ideologiya i praktika. M.: Progress-Tradiciya, 2000. 440 s.
7. Inostranny'e izvestiya // Sy'n otechestva. Istoriya, politika, slovesnost', nauki i xudozhestva. 1852. № 3. S. 28–41.
8. Inostranny'e izvestiya // Sy'n otechestva. Istoriya, politika, slovesnost', nauki i xudozhestva. 1852. № 4. S. 71–115.
9. Inostranny'e izvestiya // Sy'n otechestva. Istoriya, politika, slovesnost', nauki i xudozhestva. 1852. № 7. S. 51–105.
10. Inostranny'e izvestiya // Sy'n otechestva. Istoriya, politika, slovesnost', nauki i xudozhestva. 1852. № 8. S. 49–86.
11. Inostranny'e izvestiya // Sy'n otechestva. Istoriya, politika, slovesnost', nauki i xudozhestva. 1852. № 9. 1852. S. 48–82.
12. Nikolaj I bez retushi / avt.-sost. Ya. Gordin. SPb.: Amfora, 2013. 543 s.
13. *Pavlov-Sil'vanskij N.P.* Dekabrist Pestel' pred Verxovny'm ugolovny'm sudom. Rostov-na-Donu: Donskaya Rech', 1907. 175 s.
14. *Pogodin M.P.* Mesyacz v Parizhe (iz dorozhnogo dnevnika 1839) // Moskvityanin. 1841. Ch. 1. № 1. S. 76–130.
15. *Pogodin M.P.* Petr Velikij // Moskvityanin. 1841. Ch. 1. № 1. S. 3–14.
16. Poxod Bonaparte v Siryu // Voenny'j zhurnal. 1834. № 1. S. 1–49.
17. *Teslya A.A.* Pervy'j russkij nacionalizm... i drugie. M.: Европа, 2014. 284 с.
18. *Czuciev A.* Atlas e'tnopoliticheskoj istorii Kavkaza (1774–2004). M.: Европа, 2007. 128 s.
19. *Shatobrian F.R. de* O Bonaparte, o Burbonax // Sy'n Otechestva, istoricheskij, politicheskij i literaturny'j zhurnal. Ch. 13. SPb.: Tipografiya F. Drexslera, 1814. S. 198–220.
20. *Shevy'rev S.P.* Vizit k Bal'zaku // Moskvityanin. 1841. Ch. 2. S. 358.

I.M. Startsev

**Social and Political Program of P.I. Pestel and Views
of Russian Conservative Publicists of the First Half of the XIX Century**

This article presents a comparative study of P.I. Pestel's views and Russian conservative publicists of the time of Nicholas I. The author in the article analyses their views on the state structure, class and national issues. A general conclusion is drawn about the similarities of views and opinions of Pestel and Russian conservative journalists.

Keywords: Pestel; Grech; Pogodin; conservatism; journalism.